

КРИМИНОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 343.423

doi: 10.17223/23088451/26/18

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА
ОСКОРБЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ЧУВСТВ ВЕРУЮЩИХ

Вадим Викторович Антонченко¹

¹ *Дальневосточная пожарно-спасательная академия (филиал Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России), Владивосток, Россия, antovadim@yandex.ru*

Аннотация. Социально-правовой анализ уголовно-правового запрета, установленного ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ, свидетельствует о недостаточности социальных и правовых оснований для существования в уголовном законе норм, охраняющих религиозные чувства верующих, и одновременно избыточности такой охраны, предмет которой осложнен историческим контекстом регуляции данной сферы, связанным с последовательным и настойчивым формированием у граждан атеистического мировоззрения в советский период.

Ключевые слова: религиозные преступления, свобода совести, оскорбление религиозных чувств, свобода совести и вероисповедания, секуляризация

Для цитирования: Антонченко В.В. Социально-правовой анализ уголовно-правового запрета оскорбления религиозных чувств верующих // Уголовная юстиция. 2025. № 26. С. 108–114. doi: 10.17223/23088451/26/18

Original article

doi: 10.17223/23088451/26/18

SOCIO-LEGAL ANALYSIS OF THE CRIMINAL LAW PROHIBITION AGAINST INSULTING
THE RELIGIOUS FEELINGS OF BELIEVERS

Vadim V. Antonchenko¹

¹ *Far Eastern Fire and Rescue Academy, Vladivostok, Russian Federation, antovadim@yandex.ru*

Abstract. The aim of this work is to determine the necessity and sufficiency of measures for the criminal legal protection of the religious feelings of believers, understood as individual human emotional processes. The subject of the research is a socio-legal analysis of the criminal law prohibition established by parts 1 and 2 of Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation. The study employs historical, formal-logical, and concrete-sociological methods of scientific inquiry. The results of the study indicate a lack of sufficient social and legal grounds for the existence of criminal law norms protecting the religious feelings of believers and, simultaneously, an excessiveness of such protection. The area of application for the study's results may be the sphere of improving and rationalizing criminal legislation. The novelty of the research lies in identifying the socio-historical and psychological context of the problem of protecting believers' feelings through criminal law means, which affects the necessity and sufficiency of such measures. The author concludes that the practical implementation of the criminal legal protection of believers' feelings is complicated by the socio-legal and historical context regulating this sphere. For a long period, the state consistently and persistently cultivated an anti-religious worldview among citizens, within which religious feelings were viewed as an archaic model of understanding the world, hindering the progressive development of society. When addressing the issues of criminalizing acts such as those outlined in Article 148 of the Criminal Code, the legislator, it seems, must clearly understand whether the punitive state mechanism can be driven by a misalignment between the ethical and aesthetic perceptions of citizens regarding real or unreal reality and their perception of personal offense. Substituting real public interests with narrow group interests differentiates society and generates acute social contradictions. For the population of Russia, the majority of whom are former Soviet citizens and the younger generation raised by them, an instantaneous change in their atheistic and anti-clerical self-identification is not possible. A state that, within the lifespan of one generation, attempts to radically transform its citizens' notions of what is proper and legislatively change ideological and worldview paradigms to their opposites deforms public and individual legal consciousness. Citizens, becoming hostages to radical social changes, may, in some cases, exhibit deviant and delinquent behavior.

Keywords: religious crimes, freedom of conscience, insult to religious feelings, freedom of conscience and religion, secularization

For citation: Antonchenko, V.V. (2025) Socio-legal analysis of the criminal law prohibition against insulting the religious feelings of believers. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 26. pp. 108–114. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/26/18

Совершенствование уголовного законодательства в сфере охраны конституционных прав и свобод человека и гражданина не может обойтись без всестороннего научного поиска пределов уголовно-правового регулирования данной сферы, определения его необходимости и возможности. Это обуславливает актуальность научного осмысления проблем взаимодействия социальных и правовых аспектов в области нарушения права на свободу совести и вероисповеданий. Религиозные чувства – это эмоциональное отношение верующих к признаваемым объективными гипостазированным существам, атрибутизированным свойствам и связям, к сакрализованным вещам, персонам, местам, действиям, друг к другу и к самим себе, а также к религиозно интерпретируемым отдельным явлениям в мире и к миру в целом [1. С. 269].

Уголовно-правовому анализу ст. 148 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий (ч. 1 и 2 данной статьи криминализовано совершение публичных действий, выражающих явное неуважение к обществу и совершенных в целях оскорбления религиозных чувств верующих; ч. 3 и 4 – незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний), посвящено значительное количество работ отечественных юристов [2. С. 106–108; 3. С. 194–198; 4. С. 330–333; 5. С. 70–76; 6; 7. С. 30–35]. Вместе с тем социально-правовые аспекты уголовно-правовой ответственности за оскорбление чувств верующих в современной отечественной юридической науке достаточным количеством исследований не представлены.

Статья 148 УК РФ «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» в существующей редакции действует с 1 июля 2013 г. До этого она носила название «Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий» и имела другое содержание, значительно отличающееся от действующего и предусматривающее ответственность только за действия, препятствующие проведению религиозных обрядов или деятельности организаций религиозного характера. Таким образом, прежнюю редакцию статьи сегодня воспроизводит ее третья часть.

Указанные новации явились уголовно-правовым ответом на эксцесс, связанный с выступлением российской феминистской панк-рок-группы Pussy Riot (Пусси Райот) в храме Христа Спасителя 21 февраля 2012 г., в ходе которого ее участницы провели акцию, обозначенную ими как «панк-молебен». 17 августа 2012 г. суд признал троих участниц группы виновными по уголовному делу о квалифицированном хулиганстве (ч. 2 ст. 213 УК РФ) и, положив в основу приговора выводы экспертов, содержащие отсылки к источникам внутреннего церковного права (Апостольским правилам (ок. 380 г.) и правилам Трулльского собора (691 г.)), назначил им наказание, связанное с реальным лишением свободы [8. С. 51–55; 9].

25 сентября 2012 г. Госдума РФ приняла заявление «О защите религиозных чувств граждан», а на следующий день группа депутатов внесла законопроект о дополнении УК РФ статьей о защите чувств верующих от

оскорблений. Новеллизация статьи 148 УК РФ в 2013 г. породила теоретические и научно-практические дискуссии по поводу необходимости и возможности уголовной защиты от оскорбления чувств верующих, тем более на фоне декриминализации «оскорбления» как такового (ст. 130 УК РФ) в 2011 г.

Поскольку воспрепятствование какой-либо деятельности нарушает определенное право на свободу, постольку именно ч. 3 и 4 данной статьи отражают смысл, заложенный в ее названии. Деяния, предусмотренные ч. 1 и 2, оскорбляющие религиозные чувства верующих, могут нарушать их право на свободу совести и вероисповеданий лишь при расширительном (распространительном) подходе к выявлению содержания воли законодателя, выходящем за рамки ее текстуальной формы – данные нормы охраняют не сами религиозные объединения и обряды, а чувства верующих, которым может быть нанесен вред в результате интерпретации ими (и, впоследствии, судом) чьих-либо действий как оскорбительных. Таким образом в 2013 г., объектом уголовно-правовой защиты и, следовательно, объектом преступления, предусмотренного ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ, впервые стали чувства, т.е. эмоциональные процессы человека, отражающие субъективное оценочное отношение к реальным или абстрактным объектам.

В отличие от ст. 148 УК РФ, действовавшей до 2013 г., не предусматривавшей санкции в виде лишения свободы, актуальная ее редакция предусматривает такое наказание в первой, второй и четвертой частях. Исходя из установленных санкций, публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих (до одного года и трех лет лишения свободы по ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ соответственно), представляют для общества бóльшую общественную опасность, чем воспрепятствование деятельности религиозных организаций или совершению религиозных обрядов, в том числе совершенное с применением насилия (исправительные работы на срок до одного года и лишение свободы до одного года по ч. 3 и 4 ст. 148 УК РФ соответственно).

Следует заметить, что ответственность за нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях предусматривается Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, ст. 5.26 которого предусматривает санкции как за воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и свободу вероисповедания, в том числе принятию религиозных или иных убеждений или отказу от них, вступлению в религиозное объединение или выходу из него, так и за умышленное публичное осквернение религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики либо их порчу или уничтожение.

При этом, п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ предусматривает ответственность за хулиганство, т.е. грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное по мотивам *религиозной ненависти или вражды* либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, а

ст. 282 УК РФ предусматривает ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, в том числе и *по мотивам отношения к религии*. Также ч. 2 ст. 214 УК РФ предусматривает ответственность за вандализм, т.е. осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах, совершенные в том числе и *по мотивам религиозной ненависти или вражды*.

Субъективная сторона преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ, характеризуется виной в виде прямого умысла. Преступными эти деяния будут только если они совершены публично, выражают явное и недвусмысленное неуважение к обществу в целом и их целью является именно оскорбление (данные признаки характерны также, например, для состава хулиганства – ст. 213 УК РФ). Это предполагает не только осознание лицом характера совершаемых им действий и предвидение их последствий, но и желание оскорбления религиозных чувств верующих. Указание на цель требует обязательного доказывания прямого умысла виновного на оскорбление: суду, а ранее того – следствию необходимо установить не только форму вины и её виды, в том числе мотив и цель, обозначенную в диспозиции рассматриваемой нормы как «совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих». Выявление мотива и цели рассматриваемых деяний и определение их достоверности в большинстве случаев требует признания их самими виновными.

Анализ уголовных дел по ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ свидетельствует о том, что в большинстве случаев к уголовной ответственности привлекались лица, разместившие на своих страницах в общедоступных ресурсах интернета антирелигиозные надписи, статьи или фотоснимки, а также сделавшие оскорбительные надписи и рисунки непосредственно на культовых сооружениях (стенах храмов, крестах). Однако в судебной практике есть и достаточно необычные дела, как, например, дело С., осужденного в 2017 г. сразу по трем статьям УК РФ: ч. 1 ст. 282 («Возбуждение ненависти по религиозному и национальному признакам»), ч. 1 ст. 148 («Публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих») и ст. 138.1 («Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации») за съемку видеоролика о «ловле покемонов» в церкви. В большинстве случаев мотивом, руководившим действиями подсудимых, являлось желание продемонстрировать себя и получить популярность в своем круге общения («хайпануть»). Однако в некоторых случаях, связанных с фотографированием, подсудимые даже не отдавали себе отчет в том, что фотографируются на фоне культового сооружения. Для них это было лишь удачной локацией, удобной для съемки.

Уголовное преследование по ст. 148 УК РФ, включая обвинение в суде, осуществляется в соответствии со ст. 20 УПК РФ в публичном порядке. Сами верующие зачастую не знают, что в определенное время в опреде-

ленном месте произошло деяние, связанное с покушением на их свободу совести и вероисповеданий. В случае обращения их в правоохранительные органы неизбежны трудности с определением потерпевших. Однако именно уголовное преследование таких деяний приводит к широкому распространению информации о них и следующей за этим общественной реакции.

Реализация норм ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ на практике не может не сталкиваться с проблемами собирания, исследования, оценки и использования доказательств наличия религиозных чувств у индивидов, относящих себя к социальной группе верующих, и факта их оскорбления. Данные проблемы представляются сегодня неразрешимыми, поскольку они связаны с вопросами, выходящими за пределы права: об истинности веры, о действительной религиозности чувств, их глубине и т.п.

Под оскорблением понимается унижение чести и достоинства человека, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме. Таким образом, для того, чтобы быть оскорблением, деяние, во-первых, должно быть обращено к конкретным лицам (либо рассчитано на то, что сведения о нем будут доведены до этих лиц) и характеризовать их личность. Во-вторых, деяние (например, высказывание) должно иметь неприличную форму (нецензурная брань, неприличные жесты и т.д.). В-третьих, деяние должно быть направлено на унижение чести и достоинства потерпевших и быть публичным.

Для отграничения оскорбления от иного мнения, высказывания или действия, которое может быть негативным, обидным и неприемлемым для кого-либо, необходимо проведение экспертизы, которая должна выявить наличие оскорбления в правовом смысле. Однако представляется, что средствами современной криминалистики сегодня невозможно достоверно установить наличие, глубину и полноту религиозных чувств, относящихся к сложной по структуре психоэмоциональной сфере как элементу психической деятельности конкретного индивида.

В.И. Ильин говорит о том, что чувства как ролевой компонент можно предписывать, ожидать, но проверить их наличие крайне сложно («в душу не залезешь») [10. С. 28–40]. Более того, человек и сам не всегда в состоянии контролировать свои чувства, поскольку их детерминация происходит в далеко не познанной сегодня средствами науки области психоэмоционального мира индивида. Чувственная сфера человека в большой своей части остается *terra incognita* для познания средствами современной науки. В этом отличие чувств от эмоций, которые могут быть социальным фактом, поддающимся не только интерпретации со стороны окружающих, но и редакции со стороны исполнителя, подчиненной его представлениям об адекватности поведения исполняемой роли (например, «мужчины не плачут»). Это, в частности, обуславливает неподсудность в соответствии со ст. 29 Конституции РФ наличия или отсутствия у человека тех или иных чувств, а также мнений и убеждений.

А.Э. Жалинский считал, что в набор признаков, необходимых для криминализации, входят: а) причинение и возможность причинения деянием не поддающегося

полному возмещению существенного вреда конституционным ценностям, т.е. правовым благам, имеющим конституционный ранг; б) распространение негативных последствий совершаемых деяний на общество в целом и большинство отдельных членов общества; в) явная социально-психологическая и иная непереносимость обществом запрещаемых деяний, причиняемого вреда или его опасности, отраженная в достигнутом политическом или ином консенсусе о необходимости уголовного наказания; г) доказанная непригодность иных правовых запретов для устранения возникшей опасности, возмещения причиненного и предупреждения потенциального вреда; д) субъектно-субъективное противопоставление деяния существующим социальным запретам при наличии иного выбора [11. С. 48–52].

Л.М. Прокументов полагает, что дополнительным аргументом в пользу криминализации деяния является его распространенность [12. С. 56–62]. М.М. Бабаев говорит о том, что общественная опасность в существенной степени зависит от массовости общественно-опасных актов поведения, структуры и динамики преступности, а также от распространенности, характера и тяжести социальных последствий [13. С. 7–19]. Распространенность деяния полагают одним из оснований криминализации многие ученые [14. С. 146–150; 15. С. 70–76; 16. С. 96–101; 17. С. 433–434].

Деяния, описываемые диспозициями частей ст. 148 УК РФ, никак нельзя назвать распространенными. Так, по всем частям данной статьи в России ежегодно осуждаются единицы: в 2020 г. – 1 чел., в 2021 – 14 чел., в 2022 и 2023 гг. – по 11 чел. В среднем количество признанных виновными по данной статье составляет около 0,001% от количества всех осужденных. Находясь под пристальным вниманием средств массовой информации, даже редкие случаи уголовных дел по резонансным статьям получают широкую известность и общественный резонанс, а результаты судебного разбирательства являются важной социальной информацией, которая формирует общественное правосознание и влияет на ход общественных процессов. Как показал проведенный автором в марте 2025 г. опрос преподавателей и студентов неюридических вузов (всего опрошено 155 человек), благодаря СМИ и интернету подавляющее большинство из них знают о существовании уголовно-правовой нормы, защищающей религиозные чувства верующих от оскорбления. При этом 55% от количества опрошенных полагают, что уголовному преследованию по данной норме в России подвергаются «много людей», а 30% полагают, что множество людей за данное преступление осуждено к лишению свободы.

Общественную опасность поведенческого акта в контексте рассматриваемой темы следует анализировать в рамках его взаимодействия с общественными отношениями, в результате которого им причиняется вред или создается угроза причинения вреда [18. С. 139–144]. А.И. Коробеев говорит о том, что уголовный закон продублируется реальными потребностями общества и является социально обусловленным [19. С. 23]. Любой уголовно-правовой запрет должен иметь конкретные основания и причины установления.

Несмотря на 12-летний период действия ст. 148 УК РФ, теория и практика пока не ответили на вопросы, почему социальная группа «верующие» получает особую, в сравнении с другими гражданами, защиту; чем религиозные чувства отличаются от других индивидуальных человеческих эмоций, как установить их истинность и причиненный им вред? Чувства (нравственные, интеллектуальные, эстетические, социальные) основаны на субъективном опыте человека и, как и сам этот опыт, могут носить амбивалентный (противоречивый) характер и иметь различные уровни конкретности и устойчивости. Являясь подклассом эмоциональных процессов, будучи зависимыми от эмоций, подчиняясь индивидуальным личностным качествам, чувства одного человека могут по-разному проявляться в той или иной ситуации. Кроме того, и в одинаковых условиях разные люди могут испытывать различные чувства.

Поступки людей могут быть некрасивы, нелепы, непонимаемы определенной частью общества. Такие поступки могут быть поводом для общественного порицания, однако степень их общественной опасности, требуемая для их криминализации, нуждается в самом тщательном исследовании. При этом преступления, совершаемые по религиозным мотивам, вызываемые религиозной нетерпимостью к иным религиозным, агностическим или атеистическим представлениям и взглядам на «священную истину», представляют действительную общественную опасность [20; 21. С. 216–221; 22; 23].

Законы о богохульстве когда-то были почти повсеместными и до сих пор распространены в государствах с сильными религиозными традициями. При этом религиозным оскорблением в традиционном обществе могло, как показывает история, считаться все, с чем не согласится последователь определенной религии, со всем, что разрывает или ослабляет систему его взглядов о непреложности положений, составляющих его мировоззрение [24. С. 349–416]. В современном мире в большинстве светских юрисдикций, которые придерживаются принципов Всеобщей декларации прав человека, подобные нормы отменены.

Россия является государством с многоконфессиональным и полиэтническим обществом. В соответствии со ст. 14 Конституции Россия является светским государством, в котором никакая религия не может быть обязательной, а религиозные организации отделены от государств и равны между собой. Вместе с тем отношения публичной власти и церкви с середины 90-х гг. прошлого века демонстрируют явное сближение. Реалии социально-правовой действительности говорят о формировании в России новых традиций постсекулярного общества, которые оказывают влияние и на состояние позитивного права, и на правоприменительную практику. Церковь и ее иерархи стремятся участвовать в политической жизни государства в качестве самостоятельного субъекта, обуславливая данное стремление необходимостью создания нравственных основ для российской политической традиции. Участие иерархов в различных мероприятиях социально-политической направленности (праздничные собрания, митинги, парады, юбилей ведомств и учреждений и т.п.) наряду с госслужащими

и политиками говорит о том, что это стремление церкви находит поддержку на государственном уровне. Вместе с тем религия не оправдывает ожиданий как фактор социальной интеграции на основе общности культурно-символических образов. Этнополитическая мифологизация как инструмент вероучений способствует разобщению социальных общностей, а не их сплачиванию: даже конфессии в рамках одной религии отрицают истинность веры друг друга. Особенно справедливо это в отношении чувств ортодоксальных верующих, полагающих себя, в отличие от других, «истинно верующими». Для этой категории граждан само существование иных взглядов, как и иных деноминаций, является оскорблением. Значит, межконфессиональный мир является труднодостижимым, если вообще возможным. Поголовная воцерковленность населения России в дореволюционный период, объяснявшаяся, помимо прочего, крайне небольшой степенью грамотности населения, не смогла предотвратить глобального социального раскола в периоды революций и Гражданской войны [25. С. 40–48].

В период существования Советского государства (1917–1991 гг.) на всей его территории господствовал воинствующий атеизм, который был элементом государственной идеологии, активно поддерживался партийными и государственными органами. Основатель советского государства В.И. Ленин писал: «Мы должны бороться с религией. Это азбука всего материализма и, следовательно, марксизма. Но марксизм не есть материализм, остановившийся на азбуке. Марксизм идёт дальше. Он говорит: надо уметь бороться с религией, а для этого надо материалистически объяснить источник веры и религии у масс» [26. С. 418]. Следуя этому завету, государством проводилась пропаганда атеизма, в годы становления советской власти осуществлялась активная борьба с церковью, которая рассматривалась как крупнейший очаг внутренней контрреволюции. Преследование церкви включало не только ее ликвидацию как государственного института и изъятие ее собственности, систематический снос культовых сооружений, но и физическое уничтожение духовенства. Так, только в 1937–1938 гг., согласно церковным документам, было арестовано 168,3 тыс. представителей православного духовенства, из которых более 100 тыс. были расстреляны [27. Р. 165]. По другим оценкам, в 1930–1940-х гг. было физически уничтожено не менее 25–30 тыс. священнослужителей [28. Р. 90]. В рамках государственной кампании по распространению атеизма массовым преследованиям за свои убеждения или пропаганду религии подвергались и сами верующие.

Тотальное искоренение религии и замена ее «научным» атеизмом, основанным на уверенности в способности людей быть действующими субъектами исторического процесса, соответствовало, по мнению Е. А. Степановой, типичному для эпохи Просвещения рационализму, который был одним из основных факторов перехода к модерности [29. С. 67–82]. В Советском государстве процесс секуляризации направлялся на вытеснение религии не только из публичного социального пространства, но и из частной жизни людей. Религиозность граждан считалась

антиобщественным фактом и была препятствием для любых форм профессионального и социального участия. По мнению М. Pelkmans, невозможно отрицать, что советский атеизм стал важным фактором формирования постсоветской идентичности [30. Р. 1–16]. Это дает основания полагать, что российское общество, воспитанное на модели советского отношения к религии и церкви, остается в своем подавляющем большинстве атеистическим, а религиозное возрождение носит преимущественно демонстративный (реже, обрядовый) характер, не проникая далеко в пределы частной жизни подавляющего большинства людей.

Корректировка нормативной структуры должна учитывать инерционность ценностных ориентиров. Кризис ценностно-нормативной системы, дезадаптация и дезинтеграция граждан в результате резкой смены мировоззренческой парадигмы неизбежно влечет за собой аномию, снижение уровня саморегуляции и, как следствие, социального согласия, вызывающего несогласованность нормативных ожиданий с ценностными предпосылками (делегитимацию) [31].

Влияние религии на социальные процессы и сознание людей значительным образом зависит от политики государства, направленной либо на уменьшение, либо на увеличение ее роли в жизни общества. Государственная кара, предусмотренная для «кошунников», неотягощенных как религиозными взглядами, так и достаточными когнитивными способностями, делающая из них известных в определенных социальных стратах «героев», способна популяризировать данный способ получения «хайпа» и «острых ощущений» молодыми людьми, готовыми им подражать. Одновременно это может отвлечь от культовых мест (а заодно и от самой религии, клерикальных практик и ценностей) людей, не желающих соприкасаться с потенциально небезопасной, как им может представляться, областью.

Разрешая проблемы криминализации деяний, подобных указанным в ст. 148 УК РФ, законодатель, как представляется, должен четко осознавать, может ли быть движущей силой карательного государственного механизма несовпадение этических и эстетических представлений граждан о реальной либо ирреальной действительности и их представление об индивидуальной обиде. Подмена реальных общественных интересов узкогрупповыми дифференцирует общество и порождает острые социальные противоречия. Для населения России, большинство которого составляют бывшие советские граждане и воспитанное ими подрастающее поколение, не представляется возможным мгновенное изменение атеистической и антиклерикальной самоидентификации. Государство, которое на протяжении жизни одного поколения пытается кардинально трансформировать представление своих граждан о должном и законодательно менять мировоззренческие и идеологические парадигмы на противоположные, дезорганизует познавательные процессы и деформирует общественное и индивидуальное правосознание, ставит индивидов в положение заложников радикальных социальных перемен, вызывая, в отдельных случаях, девиантное и делинквентное поведение.

Существование уголовно-правовых норм, дублирующих по своему назначению уже существующие, подрывает принцип экономии уголовной репрессии, рациональность и эффективность уголовного закона. Справедливость уголовного права заключается в соразмерности воздаяния деянию; привлечение к уголовной ответственности и уголовное наказание неизбежно стигмати-

зируют человека на всю оставшуюся жизнь. Такая стигматизация за совершение неразумного, но не обладающего высокой степенью общественной опасности поступка, отрицательно отражающаяся на качестве жизни человека и влекущая утрату его социального статуса, не представляется соответствующей целям правоохранительной деятельности.

Список источников

1. Религиоведение : учебное пособие. М. : Гардарики, 2004. 317 с.
2. Королева Л.А. Свобода совести и свобода вероисповедания: к вопросу о терминах // Исторические, философские, политические науки, культурологи и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5 (11) : в ч. 4 ч. 1. С. 106–108.
3. Новиков В.А. Уголовно-правовая охрана права на свободу совести и вероисповеданий // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2015. № 3. С. 194–198.
4. Новиков В.А. Религиозные чувства и убеждения верующих как объект уголовно-правовой охраны // Стратегия развития в XXI в. : сб. ст. М., 2015. С. 330–333.
5. Ермакова Т.Н. Уголовно-правовая защита свободы совести и вероисповеданий в России и за рубежом // Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 18. С. 70–76.
6. Бахметьев П.В. Уголовно-правовые гарантии свободы совести и вероисповедания: отечественный опыт и международные стандарты : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. 239 с.
7. Гончаренко А.И. Публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих (ч. 1 ст. 148 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и практика применения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 17. С. 30–35.
8. Баев В.Г., Крисанов И.А. О законности, обоснованности и справедливости приговора «PUSSY RIOT» // Социально-политические науки. 2015. № 1. С. 51–55.
9. Neu E. Lets Start a Pussy Riot. London : Rough Trade, 2013. 265 p.
10. Ильин В.И. «Чувства» и «эмоции» как социологические категории // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2016. Вып. 4. С. 28–40. doi: 10.21638/11701/spbu.2016.402
11. Жалинский А.Э. Оценка общественной опасности деяния в процессе уголовного правосудия // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 6-й Междунар. науч.-практ. конф., 29–30 января 2009 г. М., 2009. С. 48–52.
12. Прокументов Л.М. Криминологические условия криминализации и декриминализации деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. № 4. С. 56–62.
13. Бабаев М.М. Криминология и уголовная политика // Юристы-Правоведы. 2012а. № 2. С. 7–19.
14. Босхолов С.С., Тарасова М.В. Проблемы криминализации и декриминализации преступлений в Уголовном кодексе России // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. С.И. Суловой. Иркутск : Иркут. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2018. С. 146–150.
15. Злобин Г.А. Основания и принципы уголовно-правового запрета // Советское государство и право. 1980. № 1. С. 70–76.
16. Козаев Н.Ш. Состояние уголовной политики и вопросы преодоления кризисных явлений в уголовном праве // Юридический вестник ДГУ. 2016. Т. 17, № 1. С. 96–101.
17. Лопашенко Н.А. Российская уголовная политика: поиск истины или метод проб и ошибок? (Субъективная попытка анализа и прогноза) // Российский ежегодник уголовного права. 2007. № 2. С. 433–434.
18. Авдалян М.Э. Основание криминализации // Вестник удмуртского университета. 2015. Т. 25, вып. 3. С. 139–144.
19. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М. : Юрлитинформ, 2019. 347 с.
20. Ширяев В.Н. Религиозные преступления. Историко-догматические очерки. Ярославль, 1909. 423 с.
21. Малаев А.П. Совершения преступления, совершаемые по мотивам расовой, религиозной и межнациональной ненависти, вражды // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 3 (116). С. 215–221.
22. Башкатов Л.Д. Религиозная преступность: уголовно-правовые и криминологические проблемы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 224 с.
23. Старков О.В., Башкатов Л.Д. Криминология: религиозная преступность / под общ. ред. О.В. Старкова. СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 386 с.
24. Горфункель А.Х. Джордано Бруно перед судом инквизиции (Краткое изложение следственного дела Джордано Бруно) // Вопросы истории религии и атеизма. 1958. С. 349–416.
25. Антощенко В. В. Государство, право и религия // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 1(88). С. 40–48. doi: 10.24412/1999-625X-2023-188-40-48
26. Ленин В. И. Об отношении рабочей партии к религии // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Издательство политической литературы, 1964–1981. Т. 17. 680 с.
27. Yakovlev A.N. A Century of Violence in Soviet Russia. Yale University Press, 2002. 165 p.
28. Pospelovsky D.V. A History of Soviet Atheism in Theory, and Practice, and the Believer. Vol. 2: Soviet Antireligious Campaigns and Persecutions, New York : St Martin's Press, 1988. 90 p.
29. Степанова Е.А. Советский атеизм в контексте множественной модерности // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 67–82.
30. Pelkmans M. Post-Soviet Space and the Unexpected Turns of Religious Life // Conversion After Socialism: Disruptions, Modernisms, and Technologies of Faith in the Former Soviet Union / ed. by M. Pelkmans. Berghahn Books, 2009. P. 1–16.
31. Парсонс Т. О социальных системах / под общ. ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. М. : Акад. Проект, 2002. 830 с.

References

1. Anon. (2004) *Religiovedenie: uchebnoe posobie* [Religious Studies: A Textbook]. Moscow: Gardariki.
2. Koroleva, L.A. (2011) *Svoboda sovesti i svoboda veroispovedaniya: k voprosu o terminakh* [Freedom of Conscience and Freedom of Religion: On the Question of Terms]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie nauki, kul'turologi i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 5 (11): 1. pp. 106–108.
3. Novikov, V.A. (2015) *Ugolovno-pravovaya okhrana prava na svobodu sovesti i veroispovedaniy* [Criminal Law Protection of the Right to Freedom of Conscience and Religion]. *Vestnik Moskovskogo finansovo-yuridicheskogo universiteta*. 3. pp. 194–198.
4. Novikov, V.A. (2015) *Religioznye chuvstva i ubezhdeniya veruyushchikh kak ob"ekt ugolovno-pravovoy okhrany* [Religious Feelings and Beliefs of Believers as an Object of Criminal Law Protection]. In: *Strategiya razvitiya v XXI v.: sb. st.* [Development Strategy in the 21st Century: Collection of Articles]. Moscow. pp. 330–333.

5. Ermakova, T.N. (2015) Ugolovno-pravovaya zashchita svobody sovesti i veroispovedaniy v Rossii i za rubezhom [Criminal Law Protection of Freedom of Conscience and Religion in Russia and Abroad]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 18. pp. 70–76. (In Russian).
6. Bakhmet'ev, P.V. (2017) *Ugolovno-pravovyye garantii svobody sovesti i veroispovedaniya: otechestvennyi opyt i mezhdunarodnye standarty* [Criminal Law Guarantees of Freedom of Conscience and Religion: National Experience and International Standards]. Law Cand. Diss. Krasnodar.
7. Goncharenko, A.I. (2018) Publichnye deistviya, vyrazhayushchie yavnoe neubazhenie k obshchestvu i sovershennye v tselyakh oskorbleniya religioznykh chuvstv veruyushchikh (ch. 1 st. 148 UK RF): ugolovno-pravovaya kharakteristika i praktika primeneniya [Public Actions Expressing Obvious Disrespect for Society and Committed to Insult the Religious Feelings of Believers (Part 1, Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation): Criminal-Law Characteristics and Application Practice]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 17. pp. 30–35.
8. Baev, V.G. & Krisanov, I.A. (2015) O zakonnosti, obosnovannosti i spravedlivosti prigovora "PUSSY RIOT" [On the Legality, Validity and Fairness of the "PUSSY RIOT" Verdict]. *Sotsial'no-politicheskie nauki*. 1. pp. 51–55.
9. Neu, E. (2013) *Let's Start a Pussy Riot*. London: Rough Trade.
10. Il'in, V.I. (2016) "Chuvstva" i "emotsii" kak sotsiologicheskie kategorii ["Feelings" and "Emotions" as Sociological Categories]. *Vestnik SPbGU. Seriya 12. Sotsiologiya*. 4. pp. 28–40. doi: 10.21638/11701/spbu12.2016.402
11. Zhalinskii, A.E. (2009) [Assessment of the Social Danger of an Act in the Process of Criminal Lawmaking]. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke* [Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century]. Proceedings of the 6th International Conference. 29–30 January 2009. Moscow. pp. 48–52. (In Russian).
12. Prozumentov, L.M. (2012) Criminological Conditions for Criminalization and Decriminalization of Acts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*. 4. pp. 56–62. (In Russian).
13. Babaev, M.M. (2012a) Kriminologiya i ugolovnaya politika [Criminology and Criminal Policy]. *Yurist-Pravoved*. 2. pp. 7–19.
14. Boskholov, S.S. & Tarasova, M.V. (2018) [Problems of Criminalization and Decriminalization of Crimes in the Criminal Code of Russia]. *Problemy sovremennogo zakonodatel'stva Rossii i zarubezhnykh stran* [Problems of Modern Legislation of Russia and Foreign Countries]. Proceedings of the 6th International Conference. Irkutsk: Irkutsk Institute (branch) of VSU (RPA of the Ministry of Justice of Russia). pp. 146–150. (In Russian).
15. Zlobin, G.A. (1980) Osnovaniya i printsipy ugolovno-pravovogo zapreta [Grounds and Principles of a Criminal-Law Prohibition]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1. pp. 70–76.
16. Kozaev, N.Sh. (2016) Sostoyanie ugolovnoy politiki i voprosy preodoleniya krizisnykh yavleniy v ugolovnom prave [The State of Criminal Policy and Issues of Overcoming Crisis Phenomena in Criminal Law]. *Yuridicheskiy vestnik DGU*. 17 (1). pp. 96–101.
17. Lopashenko, N.A. (2007) Rossiyskaya ugolovnaya politika: poisk istiny ili metod prob i oshibok? (Sub'ektivnaya popytka analiza i prognoza) [Russian Criminal Policy: A Search for Truth or a Method of Trial and Error? (A Subjective Attempt at Analysis and Forecast)]. *Rossiyskiy ezhegodnik ugolovnogo prava*. 2. pp. 433–434.
18. Avdalyan, M.E. (2015) Osnovanie kriminalizatsii [The Basis for Criminalization]. *Vestnik udmurtskogo universiteta*. 25 (3). pp. 139–144.
19. Korobeev, A.I. (2019) *Ugolovno-pravovaya politika Rossii: ot genezisa do krizisa* [Criminal-Law Policy of Russia: From Genesis to Crisis]. Moscow: YurLitinform.
20. Shiryaev, V.N. (1909) *Religioznye prestupleniya. Istoriko-dogmaticheskie ocherki* [Religious Crimes. Historical-Dogmatic Essays]. Yaroslavl.
21. Malaev, A.P. (2017) Sovremennye prestupleniya, sovershaemye po motivam rasovoi, religioznoi i mezhnatsional'noi nenavisti, vrazhdy [Modern Crimes Committed Motivated by Racial, Religious and Interethnic Hatred, Enmity]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 3 (116). pp. 215–221.
22. Bashkatov, L.D. (2001) *Religioznaya prestupnost': ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy* [Religious Crime: Criminal-Law and Criminological Problems]. Law Cand. Diss. Moscow.
23. Starkov, O.V. & Bashkatov, L.D. (2004) *Kriminoteologiya: religioznaya prestupnost'* [Criminology: Religious Crime]. St. Petersburg: Izd-vo R. Aslanova "Yuridicheskii tsentr Press".
24. Gorfunkel', A.Kh. (1958) Dzhordano Bruno pered sudom inkvizitsii (Kratkoe izlozhenie sledstvennogo dela Dzhordano Bruno) [Giordano Bruno Before the Inquisition Court (A Brief Summary of the Investigative Case of Giordano Bruno)]. *Voprosy istorii religii i ateizma*. pp. 349–416.
25. Antonchenko, V.V. (2023) Gosudarstvo, pravo i religiya [State, Law and Religion]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*. 29 (1 (88)). pp. 40–48. doi: 10.24412/1999-625X-2023-188-40-48
26. Lenin, V.I. (1964–1981) Ob otnoshenii rabochey partii k religii [On the Attitude of the Workers' Party to Religion]. In: *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 17. 5th ed. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
27. Yakovlev, A.N. (2002) *A Century of Violence in Soviet Russia*. New Haven: Yale University Press.
28. Pospelovskiy, D.V. (1988) *A History of Soviet Atheism in Theory, and Practice, and the Believer*. Vol. 2: Soviet Antireligious Campaigns and Persecutions. New York: St Martin's Press.
29. Stepanova, E.A. (2014) Sovetskii ateizm v kontekste mnozhestvennoi modernosti [Soviet Atheism in the Context of Multiple Modernities]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 14 (2). pp. 67–82.
30. Pelkmans, M. (2009) Post-Soviet Space and the Unexpected Turns of Religious Life. In: Pelkmans, M. (ed.) *Conversion After Socialism: Disruptions, Modernisms, and Technologies of Faith in the Former Soviet Union*. New York: Berghahn Books. pp. 1–16.
31. Parsons, T. (2002) *O sotsial'nykh sistemakh* [The Social System]. Moscow: Akademiya.

Информация об авторе:

Антонченко В.В. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Дальневосточной пожарно-спасательной академии (филиала Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России) (Владивосток, Россия). E-mail: antovadim@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Antonchenko, docent, Cand. Sci. (Law), associate professor at the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Far Eastern Fire and Rescue Academy (Branch of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the EMERCOM of Russia) (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: antovadim@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2025;
одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.

The article was submitted 28.10.2025;
approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.